

УДК 811.161.1'42

Таксономия политического дискурса новейшего времени в контексте антропоцентрической парадигмы

Аль-Баразанчи Мохаммед Ясин Мохаммед

Аль-Баразанчи Мохаммед Ясин Мохаммед, магистр филологических наук, преподаватель русского языка, Багдадский университет, Ирак, albarazanchi74@mail.ru

В статье рассмотрен политический дискурс как коммуникативное пространство политики новейшего времени в контексте антропоцентрической парадигмы. Установлено, что политическую коммуникацию можно классифицировать по следующим признакам: по характеру субъекта и адресата, по жанрам устной и письменной речи, по противопоставлению монологической речи, по функциям, по объему информации среди жанров, по цели высказывания.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, коммуникативное пространство, политика новейшего времени, антропоцентрическая парадигма.

The Taxonomy of Political Discourse in Contemporary World in the Context of the Anthropocentric Paradigm

Al-Barazanchi Mohammed Yassin Mohammed

Al-Barazanchi Mohammed Yassin Mohammed, <https://orcid.org/0000-0001-7795-3609>, Baghdad University, Bab Al-Muaddam, Baghdad, Iraq, albarazanchi74@mail.ru

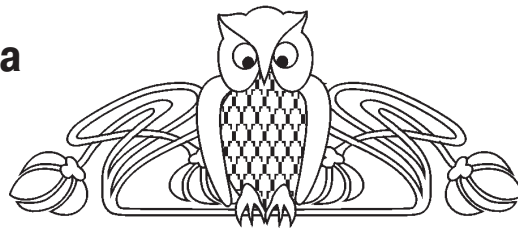
The article discusses political discourse as a communicative space of modern politics in the context of the anthropocentric paradigm. The following components of the political discourse have been outlined: the character of the subject and that of the addressee, genres of oral and written speech, the opposition of monologue and dialogue, the functions, the amount of information among the genres, the aim of speech.

Keywords: discourse, political discourse, communicative space, modern politics, anthropocentric paradigm.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-4-384-389>

На современном этапе развития лингвистики прослеживается сдвиг акцентов при изучении языка, когда в центр внимания был поставлен человек, его мышление, а также *коммуникативная деятельность*. Такая приоритетность антропоцентрического подхода в языке может быть подтверждена, с одной стороны, появлением таких областей лингвистики, как когнитивная, психо-, прагма-, социо- и антрополингвистика, а с другой стороны, интересом, который проявили многие лингвисты к изучению языкового сознания того или иного человека.

Понятие «дискурс» в современной филологической мысли привлекает все больше внимания исследователей, представляющих не только лингвистику, но и психологию, социологию,

историю, философию и другие научные области. Несмотря на то что термин «дискурс» существует уже более 2000 лет в значении «диалог», в языкознании он начал широко использоваться только в 50-е гг. XX в., когда была опубликована статья американского лингвиста С. Харриса «Discourse Analysis» («Анализ дискурса»). Автор назвал так метод анализа связной речи, предназначенной для вывода дескриптивной лингвистики за пределы одного предложения в данный момент времени и для соотнесения языка и культуры¹. Классические труды по проблеме исследования дискурса принадлежат Т. ван Дейку², М. Фуко³ и др.

Вступая в процесс коммуникации, человек реализует свои цели, которые, в свою очередь, определяют тип дискурса. Институциональный дискурс реализуется в общественных институтах и обращен как к индивидуальному, так и к массовому слушателю. Этот вид дискурса возникает между людьми, которые могут быть не знакомы друг с другом, однако должны общаться в заданных координатах статусно-ролевых отношений. Этот вид дискурса имеет следующие особенности общения: наличие статусно-ролевых характеристик участников; наличие набора типичных для этой сферы коммуникации ситуаций, целей и условий, ценностей, моделей речевого поведения, тематических репертуаров говорящих⁴.

Теоретической базой институциональной концепции дискурса выступают работы французских ученых М. Фуко и П. Бурдьё. М. Фуко утверждает, что «институциональный дискурс устанавливает процесс коммуникации и порядок мышления, дисциплинирует ум и чувство, идентифицирует и структурирует объекты путем установления нормы и ненормы»⁵. П. Бурдьё трактует дискурс как «габитус, который генерирует социальные практики и оценочное восприятие», и рассматривает дискурс как «символический капитал, функционирующий в социальном пространстве»⁶.

Основы теории политического дискурса были выдвинуты Кембриджской и Оксфордской философскими школами, которые обратились к лингвистическому анализу контекста общественного мнения еще в 50-е гг. XX в. Термин «политический дискурс» распространяется в период 60–90-х гг. благодаря исследованиям Р. Водак⁷, Т. ван Дейка⁸, Г. Кресса⁹, Р. Ходжа¹⁰ и др.

В данной связи нельзя не отметить публикации К. В. Никитиной, монографии И. Т. Вепре-

вой, Н. А. Купиной, Э. Лассан, В. Л. Музыканта, А. П. Чудинова, Е. И. Шейгал, исследования Е. В. Бакумовой, О. И. Воробьевой, Ю. М. Ивановой, А. Б. Ряпосовой, А. А. Филинского, словари А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова, В. И. Максимова и др. Кроме того, проблемам политического дискурса посвящен специализированный журнал «Journal of Language and Politics» и серия книг «Discourse Approaches to Politics», «Society and Culture» под редакцией Р. Водак и П. Чилтона и «Praeger Series in Political Communication» под редакцией Р. Дентона. Некоторые исследователи указывают на необходимость признания за политической лингвистикой статуса самостоятельного раздела лингвистической науки (Д. Белл, Р. Дентон, Р. Ниммо, А. А. Романов, О. Фельдман, П. Чилтон, А. П. Чудинов, Т. Шекелс и др.). При этом отмечается, что «политическая лингвистика пытается объяснить, каким образом люди с помощью речи и коммуникации могут влиять на поведение, ценности и мнения других»¹¹.

Истоки этого направления видятся в таких междисциплинарных исследованиях XX в. США, как риторический анализ (*rhetorical analysis*) (А. Кiewe); исследования пропаганды как жанра коммуникации (*propaganda analysis*) (М. Edelman, Д. А. Graber, J. Kuklinski, J. Ferejohn, Н. Lasswell, D. Nimmo, J. Combs); исследования изменения в общественном сознании под влиянием политической коммуникации (*attitude change studies*) (Н. Tajfel, J. Turner); анализ влияния предвыборной агитации на результаты выборов (*voting studies*) (L. Becker, A. Gelman, G. King); взаимодействие правительств и средств массовой информации (*government and the news media*) (R. E. Denton, R. Kick, J. M. Perry); функциональный анализ (*functional analysis*) (W. L. Benoit, W. T. Wells); анализ предвыборных технологий в его связи с языком (*media technologies, campaign techniques*) (S. Ansolabehere, Sh. Iyengar, P. Chilton) и т. д. В 70–80-х гг. XX в. к данным направлениям добавились исследования института президентства как коммуникативного феномена (*the presidency*) (R. E. Denton); языковых особенностей опросов общественного мнения (*political polls*) (A. Gelman); дебатов как жанра политической коммуникации (*debates*) (Th. F. Sheckels); политической рекламы (*advertising*) (Sh. Iyengar). Признается, что направление политической лингвистики вполне можно считать сформировавшимся и перспективным (Th. F. Sheckels).

Целью статьи является освещение таксономии политического дискурса новейшего времени в контексте антропоцентрической парадигмы, предметом – специфика функционирования речи политиков в современном глобализованном мире.

На сегодняшний день антропоцентрический подход является ключевым в когнитивной семантике (Л. Талми, Р. Джекендофф и др.). Такой

подход дает возможность не просто объяснить роль и место личности в коммуникативной деятельности, но и продемонстрировать, как человеческие знания структурируются для достижения определенных целей коммуникации.

Среди многочисленных подходов, которые были направлены на определение понятия «дискурс» (например, В. Г. Борботько, А. А. Кибрик, О. Н. Паршина, М. Л. Макаров, Е. И. Шейгал, G. Brown, G. Yule), актуальным является такой подход, который определяет *дискурс* как «коммуникативное событие». Такое понимание дается в работах Т. А. ван Дейка и его школы. Дискурс при этом «не ограничивается рамками конкретного высказывания, то есть рамками текста <...>, а включает в себя говорящего, адресата, их личностные и социальные характеристики, а также другие параметры социальной ситуации»¹². Таким образом, автор определяет дискурс не просто как вербальный объект, но и как форму социального взаимодействия. При таком подходе речевые произведения рассматриваются во всей полноте своего выражения (вербального и невербального) с учетом всех экстралингвистических факторов (социальных, культурных, психологических), существенных для успешного речевого взаимодействия. В этой связи Н. Д. Арутюнова метафорически определила дискурс как «речь, погруженную в жизнь»¹³. Данный подход обобщает точки зрения таких ученых, как А. Е. Кибрик, Ю. Н. Караулов, В. В. Петров, Х. Г. Виддоусон, Дж. Остман, а также коррелирует с пониманием дискурса в современной психологии, которая определяет дискурс как социальную деятельность в условиях реального мира.

Лингвисты-когнитологи говорят об особом «ментальном мире», создаваемом в дискурсе, и предлагают называть дискурсом такой объект исследования, который отражает мир, созданный субъектом¹⁴.

Основное внимание многих исследователей сориентировано на политической лингвистике, ключевым термином которой остается *политический дискурс* (далее – ПД) как конкретная реализация политической коммуникации (далее – ПК). Однако вопрос дефиниции политического дискурса и его корреляция со смежными понятиями принадлежат к числу дискуссионных в современной языковедческой науке.

ПД прежде всего исследуют в рамках ПК. Е. И. Шейгал предлагает широкое понимание ПК, охватывающей «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики»¹⁵, при этом исследователь настаивает на синонимическом употреблении терминов «политический дискурс» и «политическая коммуникация».

Существует много определений «политического дискурса», которые были предложены разными исследователями. Например, А. Н. Баранов понимает ПД как «совокупность всех

речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом»¹⁶. Д. Джонсон и Р. Джонсон считают, что «ПД является методом принятия политических решений»¹⁷. По мнению П. Бурдые, ПД – это «в узком смысле политическое поле, охватывающее сферы политических партий, институтов политической власти и очень тесно связан с темой языка и власти»¹⁸. В. И. Карасик выделяет следующие виды институционального дискурса: административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, массово-информационный и политический¹⁹. Ряд исследователей (Д. Грейбер, Д. Белл, Р. Дентон, Р. Ниммо, О. Фельдман, П. Чилтон, О. Эдельман и др.) вообще полагают, что политическая деятельность сводится к деятельности языковой. В частности, О. Фельдман отмечает, что «политика – это дискурс, а дискурс – это политика»²⁰. Более того, в политической сфере слово приравнивается к действию («rhetoric equals action»)»²¹.

Политический дискурс всегда связан с вопросом власти различных уровней. Бесспорным остается тот факт, что через политический дискурс происходит манипулирование сознанием больших групп людей. Речь политика всегда обращена к потенциальным избирателям, даже если ее тема не входит в перечень предвыборных. Политический дискурс не является исключением и, в первую очередь, нацелен на манипулирование нацией. Это происходит из-за языковой манипуляции, которая представляет собой целостный речевой акт, направленный на массового адресата с целью завоевания и удержания власти. Поэтому политический дискурс как вид институционального имеет манипулятивный характер. Основной целью этого вида дискурса является навязывание определенного мнения широким кругам избирателей с последующим расчетом завоевать их голоса во время избирательной кампании.

А. П. Чудинов предлагает следующую таксономию ПК:

1) по характеру субъекта (автора, говорящего): собственно политическая коммуникация (автор – политик); медийная политическая коммуникация (автор – журналист); непрофессиональная политическая коммуникация (автор – человек другой профессии, представитель народа);

2) по характеру адресата: адресат – политик или политический субъект (государство, партия и т. п.); адресат, который не относится к институциональным политическим субъектам (читатель, зритель, избиратель).

Важно противопоставление индивидуально-го и массового адресатов, а также определенного и неопределенного адресатов, так как возможны случаи отсутствия совпадений между указанным и реальным адресатами политического текста;

3) по жанрам устной и письменной речи: жанры устной речи (выступление на митинге, доклад, дебаты, интервью и т. п.); жанры письменной речи (программа, открытка, газетная статья, письмо политическому лидеру и т. д.);

4) при противопоставлении монологической и диалогической речи: монологические жанры (радиообращение, статья в газете и т. п.); диалогические жанры (дискуссия, пресс-конференция, дебаты и т. д.);

5) по функциям: ритуальные жанры (речь инаугурации, приветственное слово и т. п.); ориентационные жанры (доклады, приказы, соглашения); агональные жанры (лозунги, листовки, выступление на митинге); информативные жанры (газетные сообщения, обращения граждан к политикам);

6) по объему информации среди жанров: малые жанры (лозунг, слоган); средние жанры (выступление на митинге, открытка, статья); большие жанры (политическая программа, доклад, политическая публицистика и т. д.);

7) по цели выражения: информативные, оценочные, императивные²².

Как видно из этой таксономии, здесь имеются определенные логические противоречия, а некоторые позиции находятся одновременно в нескольких группах, однако предложенные критерии распределения соответствуют ПК. По нашему мнению, проблема разработки таксономии ПК заключается в определении ее объема и дефинирования, поскольку объем этого понятия ограничен различными критериями – тематическими, жанровыми, временными и т. п. Если согласиться с позицией Е. И. Шейгал, которая предлагает широкое толкование ПК, можем предположить, что основным критерием ПК является интенциональность – борьба за власть²³.

А. Д. Кривоносов определяет ПД как проявление ПК: «Политический дискурс – это конкретное проявление политической коммуникации, которая предполагает актуализацию политического текста в коммуникативном акте взаимодействия политического субъекта (политика, политической силы, власти) и политического объекта (аудитории, электората, избирателя)»²⁴. Толкование ПД как институциональной разновидности дискурсивной деятельности человека является актуальным для работ многих ученых (В. И. Карасик, М. Л. Макаров, Н. В. Пименова, К. С. Серажим, Е. И. Шейгал и др.). Так, Л. С. Павлюк утверждает, что основанием для выделения типов дискурса, в том числе и политического, является обычная тематическая ориентация, указание на круг жизненных явлений и связанных с ними мотивов²⁵. С выделением ПД соглашаются все лингвисты, поскольку этот таксон представлен в таксономиях, которые основаны на социальных, коммуникативных, тематических и функциональных признаках, однако основные

черты и характерные признаки ПД варьируются в зависимости от научной концепции.

Главной задачей современных лингвополитических исследований является ответ на вопрос, каким образом, при помощи каких языковых средств политикам удастся осуществить успешную социально ориентированную коммуникацию. Важным является и изучение стратегий манипуляции аудиторией, а также всех факторов, приводящих аудиторию к «политически правильным» действиям и оценкам. Не случайно лингвистические исследования политического дискурса вызывают такой интерес как в России, так и за рубежом.

Таким образом, сфера политики настолько значима для современного общества, что стала объектом исследования многих научных школ и направлений в области не только общественных наук, но и лингвистики, где исследования политического дискурса приобрели особую значимость.

Е. И. Шейгал считает, что все элементы «поля политики, так или иначе опосредованные стилем, отражены в дискурсе, реализуемые через дискурс: они либо являются предметом общения (его референциальным аспектом), или выступают как элементы прагматического контекста, в том числе и прагматических пресуппозиций»²⁶. А. Д. Кривonosов считает, что ПД является конкретной формой реализации ПК, в рамках которой следует рассматривать «все лингвальные и экстралингвистические факторы»²⁷, среди которых политические тексты, интенции, субъективные установки автора и реципиента и т. п. А. П. Чудинов считает, что ПД «может быть определен как совокупность всех речевых актов, а также правил публичной политики, которые оформились в соответствии с существующими традициями и получили проверку опытом»²⁸. Итак, из предложенных определений можно сделать вывод о том, что при определении ПД главным критерием является лингвопрагматический, учитывающий интенциональность, специфику речевых актов и речевые жанры ПК.

По нашему мнению, целесообразно рассматривать ПД в пределах ПК, поэтому снова следует согласиться с Е. И. Шейгал, которая отмечает, что главным критерием для определения ПК является ее содержание и цель. При этом цель ПК определена как «борьба за власть». А содержание ПК так или иначе связано с публичным обсуждением трех проблем: распределение общественных ресурсов; контроль за принятием решений / право принимать решения; применение санкций²⁹. Несмотря на это, логичной является мысль А. П. Чудинова, который утверждает, что вопрос об объеме понятия «политическая коммуникация» принадлежит к числу дискуссионных, но также склоняется к широкой трактовке понятия как коммуникации, которая «посвящена политическим проблемам или в которой политические

субъекты выступают как авторы политического текста или его адресаты»³⁰.

И хотя отождествление ПК с борьбой за власть выглядит односторонним, поскольку не все жанровые проявления ПК являются агональными и конфликтными, все они ориентированы на получение политической победы или превосходства над оппонентами. Даже неконфликтное, конструктивное общение в политической сфере имеет целью только кооперативное взаимодействие, например, ориентированное на самопрезентацию политического имиджа и т. д.

Е. И. Шейгал считает характерной чертой ПД его способность пересекаться с другими типами дискурсов: юридическим, научным, массмедийным, педагогическим и т. п.³¹

Способность ПД пересекаться с другими типами дискурса, с одной стороны, составляет его характерную черту, а с другой – усложняет выделение текстов ПД среди других жанровых разновидностей.

Рассматривая фактор адресатности любого таксона из представленных выше политических дискурсов, Е. С. Кубрякова подчеркивает, что «дискурс адресатен как тогда, когда он имеет место в бытовом общении <...>, так и тогда, когда он осуществляется в совсем ином режиме – при обращении одного оратора к коллективу (с четкими или же, напротив, весьма размытыми границами его физического существования) и т. п.»³². С данным утверждением трудно не согласиться.

Например, важным аспектом дебатов как таксона политического дискурса является тот факт, что, хотя на первый взгляд представляется, будто кандидаты ведут диалог между собой, структура этого «диалога» значительно более сложная. На самом деле кандидаты обращаются к своей многомиллионной аудитории – зрителям, избирателям, т. е. дебаты представляют собой образец социально-ориентированного общения (термины А. А. Леонтьева). «В этом случае, – пишет он, – задача состоит в воздействии не на отдельную личность, а на аудиторию в целом, <...> существенно то, чтобы изменилась степень их информированности, социальные ценности и т. д. всей аудитории или большей ее части»³³. Хотя получатель информации в таком типе общения действительно не может повлиять на адресанта в момент речи: перебить, задать вопрос, перевести разговор на другую тему и т. п., мы не считаем, что такая коммуникация является односторонней. Напротив, фактор аудитории играет важную роль, причем вполне активную, так как выступления кандидатов направлены на активизацию у слушателей механизмов групповой принадлежности и потому строятся с учетом когнитивных особенностей целевой аудитории. Мнения, интересы, ожидания электората в значительной степени определяют то, что и как говорят кандидаты. Политический дискурс

всегда ориентирован на слушающего. Слушатель, индивидуальный или коллективный, является активным участником коммуникации, ведь во время каждого публичного выступления политик в очередной раз «продает», рекламирует себя. От коллективного адресата зависит, будет он все еще «политиком» после ближайших выборов или перейдет в разряд «аудитории». В этом случае закономерно, что говорящий непременно стремится учитывать предполагаемые реакции аудитории, чтобы быть понятым именно так, как задумывалось.

Особенностью фактора целеполагания в политическом дискурсе является тот факт, что цели участников, например, дебатов, абсолютно тождественны – добиться власти посредством демонстрации себя «своим» максимально большей части электората и одновременно представить своего оппонента «чужим» по отношению к нации. Несмотря на тождественность целей участников дебатов, предполагается достижение противоположных результатов, так как победа на выборах одного сопровождается поражением другого.

Фактор интенциональности связан с намерениями участников дебатов выбрать наиболее эффективные стратегии для достижения своих целей.

Множество подходов ученых сводится к тому, что если дискурс – это «коммуникативное событие», то политический дискурс – это совокупность всех речевых актов, используемых в политических коммуникативных событиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом (по А. Н. Баранову); политическое поле, охватывающее сферы политических партий, институтов политической власти, и очень тесно связан с темой языка и власти (за П. Бурдые). Принятая в современной политической лингвистике таксономия политического дискурса предполагает рассмотрение его типов (юридический, научный, массмедийный, педагогический, рекламный, религиозный, бытовой, художественный, военный) сквозь призму политической коммуникации, которую принято рассматривать с учетом следующих характеристик: 1) характер субъекта (автора, говорящего); 2) характер адресата; 3) принадлежность жанра к устной или письменной речи; 4) противопоставление монологической и диалогической речи; 5) функции; 6) объем информации среди жанров; 7) цель выражения. Кроме этого, антропоцентрическая парадигма нацелила коммуникацию политика на реализацию таких важных факторов, как фактор адресатности, фактор аудитории, фактор целеполагания, фактор интенциональности.

Примечания

¹ См.: Макаров М. Основы теории дискурса. М., 2003. С. 83.

- ² См.: Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / сост. В. В. Петрова ; под ред. В. И. Герасимова. М., 1989.
- ³ См.: Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977.
- ⁴ См.: Карасик В. И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиrotининой. Саратов, 2000. С. 25–33.
- ⁵ Фуко М. Указ. соч. С. 125.
- ⁶ Бурдые П. Дух государства : генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика : сб. ст. СПб., 1999. С. 136.
- ⁷ См.: Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / пер. с англ. и нем. В. И. Карасика и Н. Н. Трошиной. Волгоград, 1997.
- ⁸ См.: Dijk T. A. van. On Macrostructures, Mental Models, and Other Inventions : A Brief Personal History of the Kintschvan Dijk Theory // Discourse Comprehension : Essays in Honor of Walter Kintsch. L., 1995. P. 383–410.
- ⁹ См.: Kress G. Ideological Structures in Discourse // Handbook of Discourse Analysis / ed. by G. Smitherman-Donaldson. L., 1985. P. 178–232.
- ¹⁰ См.: Hodge R., Kress G. Social Semiotics. L., 1988.
- ¹¹ Bell D. V. J. Negotiation in the workplace : The view from a political linguist // The discourse of negotiation : studies of language in the work place / ed. by A. Firth. Oxford, 1995. P. 25.
- ¹² Дейк Т. А. ван. Указ. соч. С. 122.
- ¹³ Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 136–137.
- ¹⁴ См.: Шейгал Е. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2004. С. 38.
- ¹⁵ Шейгал Е. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 3. Саратов, 2002. С. 210.
- ¹⁶ Баранов А., Караулов Ю. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991. С. 112.
- ¹⁷ Johnson D. W., Johnson R. Civil Political Discourse in a Democracy : The Contribution of Psychology. N. Y., 1987. P. 65.
- ¹⁸ Бурдые П. Указ. соч. С. 88.
- ¹⁹ См.: Карасик В. Указ. соч. С. 27.
- ²⁰ Feldman O. An Introduction // Politically Speaking : A Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere / O. Feldman, Ch. De Landtsheer [eds.]. Westport, CT, 1998. P. 4.
- ²¹ См.: Kiewe A. The Crisis Instrument in American Political Discourse // Ibid. P. 79.
- ²² См.: Чудинов А. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика : сб. науч. тр. / ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург, 2012. Вып. 2 (40). С. 55–61.
- ²³ См.: Шейгал Е. Семиотика политического дискурса. М., 2004. С. 24.
- ²⁴ Кривоносов А. PR-текст в системе публичных коммуникаций. СПб., 2002. С. 12.

- ²⁵ Цит. по: *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008.
- ²⁶ *Шейгал Е.* Семиотика политического дискурса. М., 2004. С. 24.
- ²⁷ *Кривоносов А.* Указ. соч. С. 11.
- ²⁸ Современная политическая коммуникация : учеб. пособие / отв. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург, 2009. С. 67.
- ²⁹ См.: *Шейгал Е.* Семиотика политического дискурса. М., 2004. С. 24.
- ³⁰ Современная политическая коммуникация. С. 55.
- ³¹ См.: *Шейгал Е.* Семиотика политического дискурса. М., 2004. С. 24–32.
- ³² *Кубрякова Е. С.* Язык и знание. М., 2004. С. 528.
- ³³ *Леонтьев А.* Язык и разум человека. М., 1965. С. 28.

Образец для цитирования:

Аль-Баразанчи Мохаммед Ясин Мохаммед. Таксономия политического дискурса новейшего времени в контексте антропоцентрической парадигмы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 384–389. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-4-384-389>

Cite this article as:

Al-Barazanchi Mohammed Yassin Mohammed. The Taxonomy of Political Discourse in Contemporary World in the Context of the Anthropocentric Paradigm. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 384–389 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-4-384-389>